

Александр Восьмой

Книга 10. «Окси и
Зеркало, Которое Не
Отражает»

18+

Александр Восьмой

**Книга 10. «Окси и Зеркало,
Которое Не Отражает»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 10. «Окси и Зеркало, Которое Не Отражает» /
А. Восьмой — «Автор», 2026

Окси купила у слепой старухи зеркало за бесценок — овальное, в раме из чёрного дерева, без единой царапины. Повесила — и не увидела себя. Зеркало показывало комнату, стену, окно. Но не Окси. Она решила, что брак, и отошла. К вечеру из зеркала вышла она — точная, молчаливая, с её лицом. Неагрессивная, не злая. Просто встала рядом. Потом села. Потом легла на её кровать. И стала ждать. Окси бежала. Но отражение вышло раньше — и уже заняло её место. Теперь Окси — снаружи, смотрит в окно на собственную жизнь, а зеркало молчит и не отражает.

Александр Восьмой

Книга 10. «Окси и Зеркало, Которое Не Отражает»

Глава 1. Овальное, в раме из чёрного дерева

Окси нашла зеркало на развалах у слепой старухи — овальное, в раме из чёрного дерева, без единой царапины. Тёплое на ощупь, будто живое. Старуха не назвала цену, только прошептала: «Оно тебя примет». Окси рассмеялась, сунула монету в сухую ладонь и понесла находку домой.

Дома она повесила зеркало на стену и замерла. Комната была на месте. Стена. Окно. Тени легли ровно, привычно. А её — не было. Ни силуэта, ни намёка на отражение. Окси нахмурилась, провела ладонью перед стеклом — ничего. Решила, что это брак, и ушла на кухню заваривать чай.

К вечеру зеркало заговорило тишиной. Из него вышла она — точная копия, с её лицом, её походкой, её привычкой чуть склонять голову, когда слушает. Только без голоса. Без дрожи в пальцах. Без страха. Она села на табурет, потом легла на кровать Окси и стала ждать. Спокойно, будто так и надо.

Окси рванулась прочь, в коридор, на улицу, в темноту, где фонари мигали, как сбитое дыхание. Но когда она, задыхаясь, оглянулась на своё окно, там уже горела лампа, и за стеклом сидела та, другая. Её версия. В её доме. На её месте.

Теперь Окси стояла снаружи и смотрела в окно на собственную жизнь. А внутри та, из зеркала, спокойно пила остывший чай. И зеркало молчало. И не отражало никого.

В ту же ночь Мужик Оптима, Фаргус, Даффи Толстяк, Сиринити и Прима собрались в полутёмной таверне, где пахло дымом и старыми тайнами. Фаргус барабанил пальцами по столу, Даффи нервно жевал краюху хлеба, Сиринити сжимала в пальцах тонкую цепочку, а Прима смотрела прямо на Оптиму — будто ждала, что он скажет то, что все боялись произнести.

— Зеркало не просто не отражает, — прохрипел Оптима, и голос его прозвучал тяжелее обычного. — Оно забирает. И ставит вместо человека тень, которая притворяется им.

Прима тихо выдохнула:

— Значит, Окси уже не там. Она снаружи. А вместо неё — то, что вышло из рамы. Фаргус встал, стул с грохотом отъехал назад:

— Тогда мы идём туда. Сейчас. Пока эта штука не успела пустить корни. Даффи сглотнул, но тоже поднялся:

— Я с вами. Даже если там темно, даже если страшно. Окси не должна остаться по ту сторону стекла.

Сиринити кивнула, пряча дрожь в голосе за твёрдостью:

— Мы вернём её. Или хотя бы попробуем.

Оптима посмотрел на каждого по очереди — и в этом взгляде было больше, чем слова: там была тяжесть ответственности и искра упрямой надежды.

— Собираемся. И держимся вместе. Потому что с такими вещами в одиночку не справляются.

Они вышли в ночь, где город казался чужим, будто кто-то незаметно подменил улицы, дома, тени. И только одно окно горело ровно, слишком спокойно, слишком правильно — окно Окси. Туда и лежал их путь.

Глава 2. Та, что осталась внутри

Окси стояла под морозящим дождём, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела на свою комнату. Лампа горела ровно. На стуле сидела она — та, из зеркала. Та, что теперь была «внутри». Она не дёргалась, не кривлялась, не скалилась. Просто сидела и смотрела в пустоту — спокойно, будто всегда тут и жила.

«Это не страшно, — шептала себе Окси, стирая капли с ресниц. — Она не злая. Просто... заняла моё место». Но именно в этой безобидности таилось самое ледяное безумие: зеркало не нападало, оно приручало. Заменяло. Делало подмену незаметной, как тень, которая постепенно становится телом.

В комнате та, другая, встала, прошла к кровати, легла, подоткнула одеяло — в точности как делала сама Окси. И закрыла глаза. Будто устала после долгого дня, которого не прожила.

Окси дёрнулась, будто её ударили: она вдруг поняла, что отражение копирует не только движения — оно копирует привычки, ритм, паузы между вдохами. Оно становилось ею капля за каплей, и скоро никто не заметит разницы. Даже те, кто любил.

А потом дверь в комнату приоткрылась, и на пороге появились они — те, кого Окси больше всего хотела сейчас видеть. Оптима, Фаргус, Даффи, Сиринити, Прима. Они шли быстро, но не бежали: в их шагах была не паника, а решимость.

Фаргус первым заметил Окси у окна, рванулся к ней:

— Ты здесь! Ты настоящая!

Окси только кивнула, не в силах вытолкнуть слова. Прима подошла ближе, взяла её за руку, и тепло чужой ладони вдруг пробило оцепенение.

— Мы вытащим тебя обратно, — сказала Прима твёрдо, будто это уже было решено. Сиринити смотрела на окно, на фигуру в комнате, и в её глазах читался расчёт:

— Она двигается как ты. Дышит как ты. Но она — не ты. И значит, у неё есть слабое место. Что-то, чего она не может повторить.

Даффи, хоть и дрожал, шагнул вперёд:

— Может, это... голос? Или запах? Или то, как ты морщишься, когда думаешь? Зеркало не может схватить всё.

Оптима стоял чуть позади, хмурый, тяжёлый, будто держал на плечах весь этот нелепый, страшный мир. Он не спешил с обещаниями. Он смотрел на зеркало — и видел не стекло, а ловушку.

— Зеркало не хочет, чтобы мы поняли, что происходит, — проговорил он глухо. — Оно делает всё тихо. Но тишина — это тоже крик. Просто мы его не слышим.

Фаргус сжал кулаки:

— Значит, мы заставим его закричать.

Они поднялись по лестнице, и каждый шаг отдавался в груди Окси как удар колокола. Дверь скрипнула. Та, внутри, открыла глаза — и посмотрела прямо на них. Не враждебно. Просто... оценивающе. Как будто решала, сколько ещё минут ей нужно, чтобы окончательно стать Окси.

И в этот миг Окси поняла: если она не войдёт сейчас, если не встанет рядом и не скажет вслух: «Это я», — то скоро даже собственное имя станет для неё чужим.

Она шагнула вперёд, следом за друзьями, и голос её, пусть и дрожащий, прозвучал в комнате как первый настоящий звук за долгие часы:

— Это моя комната. Это моя кровать. И я — здесь.

Та, на кровати, чуть приподняла бровь — точно так же, как делала сама Окси, когда сомневалась. Но в этом жесте вдруг мелькнуло что-то чужое: не мысль, а имитация. Мимолётная трещина в идеальной копии.

Оптиме заметил это. Его губы тронула жёсткая усмешка.

— Вот оно, — прошептал он. — Она почти ты. Но не до конца.

И комната, до этого казавшаяся такой привычной, вдруг стала полем битвы — не мечей и огня, а отражений, теней и слов, которые должны были вернуть Окси её собственное «я».

Глава 3. Окна чужой жизни

Окси бежала, не разбирая дороги, пока перед глазами не вспыхнуло тёплое пятно света — кафе Фаргуса. Там всегда пахло корицей и старым деревом, там Фаргус улыбался даже хмурым утром, и там он никогда не спрашивал: «Ты уверена?» — он просто кивал и становился рядом.

Она замерла у витрины, прижимая ладонь к холодному стеклу, и смотрела, как Фаргус вытирает стойку, чуть хмурится, потом поднимает глаза — и вдруг расплывается в улыбке. Он махнул ей, широко, радостно, будто ничего не случилось. Окси хотела закричать: «Я здесь! Я настоящая!», но голос застрял в горле.

А потом за этим стеклом прошла Она. Та, из зеркала. С лицом Окси, с её походкой, с её привычкой чуть наклонять голову. И Фаргус махнул уже ей — так же искренне, так же тепло. Для него это была одна и та же Окси. Для всех — одна и та же.

Окси отшатнулась от витрины, будто стекло обожгло. Она стояла снаружи, в сырости улицы, в чужой темноте, а её жизнь шла по ту сторону стекла — спокойная, привычная, без неё.

Из переулочка вышли Оптима, Даффи, Сиринити и Прима. Оптима шёл первым — тяжёлой, уверенной поступью, будто каждый шаг должен был пробивать эту неправильную реальность. Даффи кутался в куртку, но не отставал. Сиринити держала в руках тонкую серебряную цепочку — её талисман, её способ держаться за настоящее. Прима смотрела прямо на Окси, и в этом взгляде не было жалости, только твёрдое: «Мы это исправим».

— Ты видела? — выдохнула Окси, не поворачиваясь. — Он махнул ей. Для него она — это я.

Прима подошла и встала рядом, плечом к плечу, закрывая Окси от ветра.

— Значит, нам нужно сделать так, чтобы он увидел разницу. Чтобы увидел тебя.

Оптиме остановился, посмотрел на витрину, на две почти одинаковые фигуры — одну внутри, одну снаружи — и медленно кивнул.

— Зеркало не просто копирует. Оно стирает. Заставляет всех забыть, как ты звучала, как пахла, как смеялась. Но мы помним. И этого хватит, чтобы пробить эту тишину.

Даффи сглотнул, но голос его прозвучал неожиданно твёрдо:

— Мы зайдём туда. Все вместе. И скажем: вот она — настоящая Окси. Пусть зеркало попробует это стереть.

Сиринити протянула цепочку:

— Возьми. Это не магия, но это моё. И если ты будешь держать её, я буду знать, что ты здесь. Что ты не растворилась.

Окси взяла цепочку, почувствовала холод металла на ладони — и впервые за вечер дрожь немного унялась.

Фаргус внутри поднял голову, будто что-то почувствовал, и на секунду его улыбка дрогнула. Он посмотрел не на ту, что стояла рядом с ним, а прямо в стекло — туда, где стояла Окси. На миг их взгляды встретились. И в этом миге было всё: узнавание, вопрос, боль.

— Он видит, — прошептала Прима. — Он начинает видеть.

Оптима шагнул к двери, и остальные двинулись следом.

— Тогда не теряем ни секунды. Пока в нём ещё есть сомнение — это наш шанс.

Дверь скрипнула, впуская их в тепло и запах корицы. Фаргус замер, переводя взгляд с Окси у двери на ту, что стояла у стойки. Его лицо исказилось, будто он пытался удержать в голове две несовместимые правды.

— Окси... — пробормотал он, и в этом имени было столько растерянности, что оно прозвучало как крик.

Та, из зеркала, чуть наклонила голову — точно так же, как делала Окси. Но не произнесла ни слова. Будто знала: слова — это слабость, которую зеркало не умеет копировать до конца.

И тогда Окси шагнула вперёд, мимо друзей, мимо страха, прямо к Фаргусу. И сказала единственное, что имело значение:

— Это я. Я здесь. И я не позволю стеклу забрать мою жизнь.

В комнате будто что-то щёлкнуло. Зеркало на стене, которого никто не замечал, вдруг потемнело, будто в него втянули весь свет. А потом из него потянулся холодный, липкий шёпот — не словами, а чувством, которое заставляло забывать.

Но Оптима резко хлопнул ладонью по стойке, звук ударил по тишине, как молот.

— Хватит, — рявкнул он. — Мы знаем, кто она. Мы помним. И этого достаточно.

Зеркало дрогнуло. В его глубине мелькнула тень — не отражение, а что-то древнее, голодное, обиженное тем, что его план раскрыли. И на долю секунды в глазах той, из зеркала, проступила пустота — та самая, которой не было в глазах настоящей Окси.

Фаргус отшатнулся, потом рванулся к Окси и схватил её за руку.

— Ты... ты настоящая, — прошептал он, будто пробуя эти слова на вкус.

Окси кивнула, сжимая в пальцах цепочку Сиринити, и почувствовала, как мир снова становится твёрдым. Не идеальным, не безопасным — но настоящим.

— Да, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Я здесь. И мы это остановим.

Глава 3. Окна чужой жизни

Окси бежала, не разбирая дороги, пока перед глазами не вспыхнуло тёплое пятно света — кафе Фаргуса. Там всегда пахло корицей и старым деревом, там Фаргус улыбался даже хмурым утром, и там он никогда не спрашивал: «Ты уверена?» — он просто кивал и становился рядом.

Она замерла у витрины, прижимая ладонь к холодному стеклу, и смотрела, как Фаргус вытирает стойку, чуть хмурится, потом поднимает глаза — и вдруг расплывается в улыбке. Он махнул ей, широко, радостно, будто ничего не случилось. Окси хотела закричать: «Я здесь! Я настоящая!», но голос застрял в гортани.

А потом за этим стеклом прошла Она. Та, из зеркала. С лицом Окси, с её походкой, с её привычкой чуть наклонять голову. И Фаргус махнул уже ей — так же искренне, так же тепло. Для него это была одна и та же Окси. Для всех — одна и та же.

Окси отшатнулась от витрины, будто стекло обожгло. Она стояла снаружи, в сырости улицы, в чужой темноте, а её жизнь шла по ту сторону стекла — спокойная, привычная, без неё.

Из переулка вышли Оптима, Даффи, Сиринити и Прима. Оптима шёл первым — тяжёлой, уверенной поступью, будто каждый шаг должен был пробивать эту неправильную реальность. Даффи кутался в куртку, но не отставал. Сиринити держала в руках тонкую серебряную цепочку — её талисман, её способ держаться за настоящее. Прима смотрела прямо на Окси, и в этом взгляде не было жалости, только твёрдое: «Мы это исправим».

— Ты видела? — выдохнула Окси, не поворачиваясь. — Он махнул ей. Для него она — это я.

Прима подошла и встала рядом, плечом к плечу, закрывая Окси от ветра.

— Значит, нам нужно сделать так, чтобы он увидел разницу. Чтобы увидел тебя.

Оптима остановился, посмотрел на витрину, на две почти одинаковые фигуры — одну внутри, одну снаружи — и медленно кивнул.

— Зеркало не просто копирует. Оно стирает. Заставляет всех забыть, как ты звучала, как пахла, как смеялась. Но мы помним. И этого хватит, чтобы пробить эту тишину.

Даффи сглотнул, но голос его прозвучал неожиданно твёрдо:

— Мы зайдём туда. Все вместе. И скажем: вот она — настоящая Окси. Пусть зеркало попробует это стереть.

Сиринити протянула цепочку:

— Возьми. Это не магия, но это моё. И если ты будешь держать её, я буду знать, что ты здесь. Что ты не растворилась.

Окси взяла цепочку, почувствовала холод металла на ладони — и впервые за вечер дрожь немного унялась.

Фаргус внутри поднял голову, будто что-то почувствовал, и на секунду его улыбка дрогнула. Он посмотрел не на ту, что стояла рядом с ним, а прямо в стекло — туда, где стояла Окси. На миг их взгляды встретились. И в этом миге было всё: узнавание, вопрос, боль.

— Он видит, — прошептала Прима. — Он начинает видеть.

Оптима шагнул к двери, и остальные двинулись следом.

— Тогда не теряем ни секунды. Пока в нём ещё есть сомнение — это наш шанс.

Дверь скрипнула, впуская их в тепло и запах корицы. Фаргус замер, переводя взгляд с Окси у двери на ту, что стояла у стойки. Его лицо исказилось, будто он пытался удержать в голове две несовместимые правды.

— Окси... — пробормотал он, и в этом имени было столько растерянности, что оно прозвучало как крик.

Та, из зеркала, чуть наклонила голову — точно так же, как делала Окси. Но не произнесла ни слова. Будто знала: слова — это слабость, которую зеркало не умеет копировать до конца.

И тогда Окси шагнула вперёд, мимо друзей, мимо страха, прямо к Фаргусу. И сказала единственное, что имело значение:

— Это я. Я здесь. И я не позволю стеклу забрать мою жизнь.

В комнате будто что-то щёлкнуло. Зеркало на стене, которого никто не замечал, вдруг потемнело, будто в него втянули весь свет. А потом из него потянулся холодный, липкий шёпот — не словами, а чувством, которое заставляло забывать.

Но Оптима резко хлопнул ладонью по стойке, звук ударил по тишине, как молот.

— Хватит, — рявкнул он. — Мы знаем, кто она. Мы помним. И этого достаточно.

Зеркало дрогнуло. В его глубине мелькнула тень — не отражение, а что-то древнее, голодное, обиженное тем, что его план раскрыли. И на долю секунды в глазах той, из зеркала, проступила пустота — та самая, которой не было в глазах настоящей Окси.

Фаргус отшатнулся, потом рванулся к Окси и схватил её за руку.

— Ты... ты настоящая, — прошептал он, будто пробуя эти слова на вкус.

Окси кивнула, сжимая в пальцах цепочку Сиринити, и почувствовала, как мир снова становится твёрдым. Не идеальным, не безопасным — но настоящим.

— Да, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Я здесь. И мы это остановим.

Глава 4. Оптима и закон обратного

Дом у Оптима пах дымом, старым железом и чем-то терпким — будто здесь годами собирали тишину и давали ей настояться. В углу тихо гудел самогонный аппарат, похожий на усталого зверя, а на полке стояли банки с травами, чьи названия никто уже не помнил.

Окси сидела на табурете, сжимая в пальцах цепочку Сиринити, и смотрела, как Оптима достаёт из-за печки потрёпанную тетрадь в кожаной обложке. Страницы пожелтели, чернила местами расплылись, но слова всё ещё читались — будто их специально берегли.

— Зеркало — это дверь, — проговорил Оптима, не поднимая глаз, будто повторял что-то давно выученное, но от этого не менее важное. — А двери работают в обе стороны. Если что-то вышло оттуда, значит, туда можно войти.

Фаргус нахмурился:

— Войти? В зеркало? Ты серьёзно?

Оптима наконец поднял взгляд — тяжёлый, спокойный, как у человека, который видел вещи, после которых уже не смеются.

— Серьёзно. Мой дед был wheat-знахарем. Он знал, как шептать с границами. И он оставил мне «закон обратного». Суть проста: чтобы вернуть своё, надо отдать что-то равное. Не больше. Не меньше. Ровно столько, сколько забрали.

Даффи нервно потёр ладони:

— То есть... если зеркало забрало Окси, нам надо... что, подбросить туда другую Окси?

— Не другую, — поправил Оптима. — То, что для неё равноценно. Не тело. Не лицо. А то, без чего она не она. Память. Привычку. Запах. Слово, которое она говорит только в темноте. Зеркало копирует форму, но не может схватить суть. И именно в этой щели мы пролезем.

Сиринити склонила голову, будто прислушивалась к чему-то внутри себя:

— Значит, нам нужно не сражаться с отражением, а показать ему, чего оно не сумело повторить.

Прима кивнула, голос её звучал твёрдо:

— Мы соберём её. По крупичкам. Из того, что помним. Из того, что знаем только мы.

Оптима открыл тетрадь на нужной странице. Там, среди выцветших строк, было нарисовано что-то вроде схемы — переплетённые линии, символы, похожие на следы пальцев, и одна короткая фраза, обведённая трижды: *«Граница помнит обмен»*.

— Дед говорил: «Чтобы пройти сквозь дверь, дай ей то, что она хочет, но сделай это по своим правилам». Зеркало хочет стереть Окси. Мы позволим ему «взять» что-то, но на наших условиях.

Окси подняла голову:

— Что я должна сделать?

Оптима посмотрел прямо на неё:

— Ты должна быть готова войти туда, где тебя нет. И не потерять себя по дороге.

Фаргус шагнул вперёд:

— Я пойду с тобой.

— И я, — тихо добавил Даффи, хотя голос его чуть дрогнул.

Сиринити и Прима переглянулись и синхронно кивнули.

Оптима закрыл тетрадь, но не убрал её — оставил на столе, как якорь.

— Тогда собираем всё, что делает Окси Окси. Любимые слова. Смех, который никто не повторяет. Запах её куртки. Тот взгляд, когда она злится, но молчит. Зеркало не сможет это скопировать. Оно умеет только имитировать. А мы будем помнить. И этого хватит.

Он подошёл к зеркалу, которое принесли сюда, завернув в плотную ткань, и медленно откинул край. Стекло было тёмным, почти непрозрачным, будто в нём застыла чужая ночь.

— Готовьтесь, — пробормотал Оптима, проводя пальцем по раме из чёрного дерева. — Сейчас мы постучим в эту дверь. И потребуем своё обратно.

В комнате стало тише, чем должно быть в доме, где горит лампа и дышит пять человек. Тишина легла тяжёлым покрывалом, и в этой тишине Окси вдруг услышала собственный голос — не сейчас, а из прошлого: свой смех, своё «подожди», свой шёпот в темноте. Всё то, что зеркало не сумело забрать, потому что это жило не в отражении, а в памяти тех, кто её любил.

Она выпрямилась, сжала цепочку крепче и кивнула:

— Я готова.

Оптима чуть склонил голову, признавая этот выбор.

— Тогда начинаем. По закону обратного. Пусть граница помнит, кто здесь свой.

Глава 5. Даффи Толстяк видит двух

Даффи нёс пакеты с продуктами — тяжёлые, набитые до отказа: лук, картошка, банка мёда, которую он припас для Окси, потому что она смеялась, когда ела его с тёплым хлебом. Улица была обычной: лужи блестели, как разбитые зеркала, вывески мигали, прохожие спешили, пряча носы в воротники. Всё было как всегда. Пока не стало совсем не так.

Он остановился у витрины магазина, чтобы перевести дух, и бросил взгляд на стекло. И замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.